

ПРОБЛЕМА НОВЫХ УЯЗВИМОСТЕЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

С.А. Кравченко

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье автор анализирует новые уязвимости, возникшие как результат становления сложного социума в современном российском обществе. Показывается, что эти уязвимости несут с собой новые риски для функционирования общества и его членов. Обосновывается, что самодостаточность российского общества находится в реальной опасности. Конкретно рассматриваются следующие уязвимости: дисфункции самодостаточности общества; неуправляемая открытость, порождающая специфические риски; сложный социум, содержащий в себе имманентный потенциал катастроф; процесс усложнения самих рисков; социальная и культурная динамика цивилизаций, характер их взаимодействия; уязвимости для человеческого капитала. Решение возникших проблем видится на путях формирования нелинейно-гуманистического мышления как интеллектуальной основы российского космополитического человеческого капитала. Это мышление исходит из ускорения и усложнения социокультурной динамики, взаимозависимой целостности человечества, а также принципиальной неделимости человеческого капитала народов мира по локальному принципу. Возрастающие требования к качественным характеристикам человеческого капитала побуждают к тому, чтобы при его формировании ставились и решались не только и не столько прагматические задачи, сколько цели наращивания гуманистического потенциала в человеческом капитале. Соответственно формирование генеральной стратегии нового этапа развития России должно предполагать активное взаимодействие политической элиты с научным сообществом, от которого, в свою очередь, востребован новый теоретико-методологический инструментарий, способный справиться с возникшими вызовами.

Ключевые слова: сложный социум, уязвимости, самодостаточность общества, неуправляемая открытость, катастрофа в виде «нормальной аварии», усложнение рисков, гуманистически ориентированная модернизация.

Согласно постулату «стрелы времени», обоснованного лауреатом Нобелевской премии И.Р. Пригожиным, имеет место саморазвитие материи, ускоряющаяся, а главное – ее усложняющаяся динамика, что относится не только к неорганическому и органическому мирам, но и к человеческим сообществам [11]. Ныне Россия перешла определенный порог динамической сложности в развитии своего социума, который стал качественно иным – сложным. За этим стоит не только появление новых привлекательных форм жизнедеятельности, но и зарождение невиданных ранее уязвимостей и рисков. Отметим пять, на наш взгляд, наиболее существенных уязвимостей, под которыми понимаются нарастающие дисфункциональные характеристики социума, проявляющиеся в угрозе катастрофы, социальных страхах относительно возникающих неопределенностей адаптации к новым реалиям, ибо прежние адаптивные стратегии перестают работать.

Во-первых, возникли уязвимости для самодостаточности общества. Как известно, Т. Парсонс под самодостаточностью понимал свойство сложной социальной системы (общества), проявляющееся не только в способности контролировать внутренние процессы, но и свои взаимоотношения с другими системами [9]. В общественном да и в научном сознании утвердилась мысль, что при всех возможных катаклизмах – революциях, радикальных социальных экспериментах, модернизациях и т.д. – подвергнутся влиянию прежде всего «старые, отживающие» социальные формы. Возможно, уйдут в историю конкретные группы и даже классы, связанные с ними институциональные структуры, но жизнеспособность самого общества не ставилась под вопрос. Получила признание и мысль о том, что рациональная человеческая деятельность по улучшению материальной жизни людей может иметь ненамеренные иррациональные последствия. Но при этом исходили из презумпции, что данные проявления касались разрушения конкретной части социальной общности, но никак не о социальной уязвимости всего общества. Сегодня необходимо признать, что самодостаточность российского общества находится в реальной опасности: с одной стороны, есть угроза того, что процессы хаотизации, разрывы в преемственности ценностей и норм, социокультурные травмы, в частности связанные с постоянным переосмыслением референтов, могут привести к столь необратимым последствиям, что общество просто утратит свою способность контролировать внутренние процессы. С другой стороны, уже очевидно, что взаимоотношения социальной и природной систем нарушено. Турбулентность климата стала фактом, который привлекает к себе все большее внимание ученых [22, 28]. В контексте возникших реалий академик Н.Н. Моисеев вообще поставил вопрос «Быть или не быть... человечеству?» [5].

Эта и другие уязвимости связаны с рискованной деятельностью человека. Под риском мы понимаем возникновение ситуации с неопределенностью, основанной на дихотомии реальной

действительности и возможности: как вероятности наступления объективно неблагоприятного последствия для социальных акторов (индивидуальных или коллективных), так и вероятности обретения выгод и благ, на основании чего осуществляется выбор из возможных альтернатив действия. Формирование генеральной стратегии нового этапа развития России – это совокупность неизбежных рисков. Проблема не в том, чтобы их избежать вообще, а в адекватных выборах возможных альтернатив действия в контексте сложного социума. На наш взгляд, перво-наперво необходимо определиться с разработкой адекватных теоретико-методологических подходов к анализу возникших уязвимостей, предполагающих принципиально новую модель мышления, – общество стало нуждаться в активном поддержании своей самодостаточности со стороны его членов. Из этого следуют, как минимум, три вывода относительно самого характера рискованной деятельности: 1) необходимо отказаться от какого-либо радикализма в отношении базовых институциональных структур общества, что затрагивает его экзистенциальное функционирование; 2) традиционную модернизацию, нацеленную на переход к качественно новому уровню развития производительных сил и технологий, заменить альтернативным типом модернизации – гуманистически ориентированной модернизацией [4]; 3) нужна новая экологическая политика, исходящая из того, что природа перестает быть просто средой жизни россиян, превращаясь в органическую часть социума. По существу, сегодня мы имеем дело не с «чистой» природой, как внешней средой общества, а с природосоциальными реалиями.

Во-вторых, возникли уязвимости неуправляемой открытости российского общества, порождающие специфические риски. Как известно, развернутую концепцию открытого общества создал К. Поппер, показавший, что историческое развитие человеческой цивилизации идет по пути перехода от закрытого общества, жестко регламентировавшего все стороны жизни людей, к обществу открытому, создающему условия для развития индивидуальных свобод человека [10]. Данный идеал как «общечеловеческая» ценность пришел и в нашу страну – был востребован руководством М. Горбачева при разработке политики «нового мышления», которая непосредственно способствовала ликвидации «железного занавеса», падению Берлинской стены [8]. С тех пор Россия превратилась в действительно открытое общество. Однако этот процесс уже вызывает не только восторг по поводу реально появившихся свобод, но и социальные страхи и тревоги, связанные с приходом в нашу жизнь нестабильности и неопределенности, а также опасений внешнего характера [14]. Возникли ненамеренные последствия открытости, побуждающие россиян делать выборы не только между разнообразными благами, но и поставившие их перед весьма ограниченными возможностями выбора между тем или иным злом в виде реальных проблем

■ Социология

безопасности для россиян. Так, границы страны перестают быть охранительными рубежами в отношении иных культурных ценностей. Дело не в простом увеличении культурных артефактов, приходящих в страну по каналам глобализации, а в значительном компоненте неупорядоченного хаоса в виде экспансии самых разных субкультур и контркультур, резкого увеличения неуправляемой эмиграции и иммиграции, появления новых форм девиантного и криминального поведения. Все это таит в себе латентные отложенные опасности социально-экономических и политических кризисов. Открытое общество вбирает в себя «чужие» опасности из других социумов. Локальные войны, межэтнические конфликты, терроризм, где бы они ни имели место, оборачиваются опасностями практически для каждого россиянина. Кроме того, увеличивается производственно новых маргинальных групп – людей не временно безработных, а тех, которые вообще не могут адаптироваться к культурным новациям открытого общества. При этом неизбежно возникают все новые социальные группы риска, деятельность которых не может не учитываться при формировании национальной безопасности.

Всего лишь два десятилетия назад мы знали, что это зло где-то есть. Но оно в ином пространстве и времени – очень-очень далеко и уж настало никогда не коснется. Не просто коснулось, а пришло практически в дом каждого россиянина, что буквально принуждает делать те или иные в принципе нежелательные выборы. Были востребованы тысячи новых законов, которые прежде были просто не нужны в силу отсутствия самого «врага». Но, пожалуй, самый главный «фантомный враг» – новые социальные страхи и тревоги, пришедшие с этим злом, которые в прямом смысле дегуманизируют социум. Многие россияне для себя сделали выбор жить в прямом смысле слова за железными засовами и высокими заборами.

Открытость общества манит к себе своим разнообразием, соблазнами, но и пугает увеличивающимся символическим насилием, исходящим от современных массмедиа: шоумейкеры вытеснили с экранов образовательные программы; практически не осталось молодежных передач, предоставляющих эфир собственно подрастающему поколению, где бы была живая дискуссия о ценностях семьи, учебы, труда; демонстрация сцен насилия не оставляет место для показа хотя бы самой возможности гуманных отношений между людьми (что, заметим, было характерно для советских звезд кино и телеэкрана).

Благодаря открытости возникла невиданная ранее конкуренция систем институционально организованных идеалов. Известный американский социолог Дж. Ритцер ведет речь о «соборах потребления» в виде гипермаркетов [26]. Мы полагаем, что ныне также формируются виртуальные соборы симулякров в виде продукции онлайн соцсетей, которая по своему идейному содержанию в целом деструктивна для российской культуры, гуманистической в своей основе.

Столкнулись разные представления о лучшей/нормальной жизнедеятельности, трактовки значимости прав и обязанностей и соответственно понимания безопасности (акцентирование личной или коллективной безопасности). Все чаще обсуждается предложение: возможно ли из нынешнего неопределенного мира вернуться в мир определенной «несвободы», т.е. закрытости (по этому пути уже пошли некоторые западные страны), но компенсацией за это явилось бы усиление «интересов безопасности» как личности, так и общества. Примечательно, что весьма многие россияне хотели бы сделать этот выбор. Социологические опросы свидетельствуют, что 63% граждан согласны мириться с некоторыми ограничениями своих прав и свобод. Категорически не хотят поступиться свободой ради «интересов безопасности» только 6%, а остальные в раздумьях [15]. Однако, по нашему мнению, без свобод и прав человека опасностей не станет меньше, скорее, наоборот. А вот с учетом этих данных и в целом усложняющихся реалий не пришло ли время при формировании генеральной стратегии нового этапа развития России проработать проблематику управляемой открытости?

В-третьих, сам сложный социум содержит в себе имманентную уязвимость в виде потенциальных катастроф. Сравнительно недавно катастрофа мыслилась как событие, влекущее за собой непоправимые последствия. П. Сорокин показал интегральную сущность этого явления, определив катастрофу как бедствие с трагическими последствиями, которые вместе с тем имеют «обучающее значение» [16, 17]. Однако вплоть до недавнего времени причиной катастроф мыслились внешние факторы – как результат природных процессов или человеческой деятельности. Американский социолог Ч. Перроу, предложивший термин «нормальные аварии», показал, что катастрофы ныне обретают еще более сложную природу. Их причинами могут быть и внутренние факторы, обусловленные естественным (нормальным) взаимодействием человека со сложными системами. Если система обретает определенные характеристики сложности, то «неожиданные и взаимновлияющие друг на друга неудачи, – отмечает он, – становятся системно неизбежными» [24, р. 5]. В новой книге «Следующая катастрофа: наши уязвимости в контексте природных, промышленных и террористических бедствий» Ч. Перроу показывает, что природа уязвимости продолжает усложняться: «концентрации опасных материалов, населения и экономической мощи в нашей критической инфраструктуре делает нас более уязвимыми для природных, промышленных/технологических бедствий и террористических атак» [25, р. 7]. Минимизацию риска «нормальной аварии» социолог видит в отказе от сложных систем вообще. «Теория нормальной аварии исходит из того, – утверждает Перроу, – что, если бы мы имели системы с катастрофическим потенциалом, которые могли бы дать сбой в силу их сложности и плотной связности друг с другом, при том, что каждый индивид выполнял свои роли настолько безопасно, насколько это вообще до-

ступно человеку, то от таких систем следовало бы отказаться. Катастрофы стали бы реже, если не неизбежны; нам не следует рисковать» [25, р. 22]. На наш взгляд, это пожелание из разряда утопии. Скорее, минимизации риска «нормальных аварий» сложных систем лежит не в отказе от них вообще, а в их комплексной гуманизации.

В-четвертых, новые уязвимости создаются процессом усложнения самих рисков. Этот процесс весьма глубоко исследовал У. Бек. В работе «Общество риска», опубликованная четверть века назад, он показал, что риски современного общества не уходят корнями в прошлое, а, скорее, связаны с опасностями настоящего и будущего; они вошли в противоречие с ориентациями людей на индустриальные социокультурные ценности, на логику формальной рациональности, согласно которой стремление к росту благосостояния само по себе рационально; «риски не упраздняют, а усиливают классовое общество»; им «присущ эффект бумеранга, взрывающий схему классового построения общества»; прежние взаимосвязи рисков и опасностей разрушаются, ибо значительная часть рисков обретает самостоятельную форму существования вне связи с конкретными опасностями. И самое главное – для анализа усложняющейся природы рисков необходим более валидный инструментарий, сочетающий научную и социальную рациональности. «В дискуссиях о рисках, – отмечает он, – обнажаются трещины и разрывы между научной и социальной рациональностью... Несколько изменив известное высказывание, можно утверждать: научный рационализм без социального пуст, социальный без научного – слеп» [1, с. 34, 35].

Развивая свои взгляды на усложняющуюся природу рисков, ученый предложил новаторскую теорию «мирового общества риска», подчеркивая, что «категория мирового общества риска контрастирует с той, которая обозначает общество риска». По Беку, то, что выводит мировое общество риска за пределы общества риска, «сводится к следующей формуле: глобальный риск есть инсценирование реальности [англ. staging of reality; нем. Realitätsinszenierung] глобального риска... только через воображение и инсценирование мирового риска будущая катастрофа становится настоящим – зачастую с целью избежания ее принимаются значимые решения в настоящее время. В таком случае диагноз риска превращался бы в “самоисполняющееся пророчество”» [20, р. 10].

Новые сложные риски обладают тремя характерными чертами. Они: 1) «делокализованы» (их причины и последствия не ограничены одним географическим пространством); 2) «неисчислимы» (ибо включают “гипотетические” риски, основанные на научно обобщенных гипотезах и нормативном инакомыслии); 3) «не поддаются компенсациям» (никакими деньгами нельзя восполнить «необратимое климатическое изменение» или «необратимые интервенции в существование человека») [20, р. 52]. В итоге У. Бек выступает за «космополитическую соци-

ологию», которая предметом своего изучения делает реалии мирового общества риска.

В-пятых, новые уязвимости создаются социальной и культурной динамикой цивилизаций, характером их взаимодействий, от чего зависит и судьба России. Это одна из сложных уязвимостей современности. Этой проблематике было посвящено выступление известного американского социолога Э. Тирикьяна на XVII Всемирном социологическом конгрессе, которое было озаглавлено «Цивилизация в глобальную эру: одна, много... или ни одной?». Ученый анализирует сценарий цивилизационного будущего человечества. Рассматриваются три сценария, каждый из которых предполагает качественно новое мышление и представление о цивилизационном будущем человечества. «Первый –увеличивающаяся взаимозависимость мира может привести к утверждению единой цивилизации модерна, в основе которой будут ценности Просвещения (включая некоторые темные стороны). Мы могли бы обозначить его как “либеральная” перспектива. Второй сценарий “множества цивилизаций” представляет плюралистическую перспективу, рассматривающую все ранее существовавшие цивилизации как распространяющие свое влияние на мир за пределы своей изначальной исторической среды (исходя из таких процессов, как потоки людей, капиталов, технологий). Третий сценарий представляется в виде глобальной катастрофы, частично имеющей природный, частично – рукотворный характер, которая могла бы до конца столетия свести глобальную эру к существованию малоразмерных обществ, лишенных качества цивилизации» [27, р. 485–486].

В России также разрабатывается цивилизационный подход к будущему человечества, который, подчеркнем, отличает характерный оптимизм [7]. Политическое руководство страны вынуждено учитывать риски, порожденные уязвимостями, вызванными нынешней социальной и культурной динамикой цивилизаций.

В-шестых, возникли новые уязвимости для человеческого капитала россиян. С нашей точки зрения, содержание и характер человеческого капитала не имеют универсального характера: они изменяются во времени и пространстве, варьируются от страны к стране, специфичны в конкретных культурах, зависят от ментальности народа, его национального характера. В силу особенностей ментальности российские граждане воспринимают современные усложняющиеся реалии иначе, чем жители западных стран, что, в частности, можно видеть на примере отношения к демократии. Вот лишь некоторые данные социологического исследования, проведенного под руководством М.К. Горшкова. У 59,1% россиян демократия ассоциируется с равенством всех граждан перед законом. А свободное членство в какой-то политической партии поддерживают только 4,4%. Непопулярными остаются такие лозунги, как построение «открытого общества», превращение России в «обычную цивилизован-

■ Социология

ную страну», ее интеграция в Европейское сообщество [2, с. 79,117].

Сказанное, однако, не следует абсолютизировать: при всех различиях в ментальности россиян и европейцев, американцев, китайцев, конечно, необходимы методики для компаративистского сравнения человеческого капитала в разных странах. Они создаются и практически реализуются. Так, недавно в рамках двустороннего сотрудничества Института социологии РАН и Института социологии Китайской академии общественных наук было проведено исследование по проблеме: «Изменения в социальной структуре обществ в условиях трансформации» [13]. Подобные исследования тем более важны, что идут глобализационные процессы, способствующие не только увеличению взаимодействия народов, но и распространению общих уязвимостей.

Формированием человеческого капитала, его защитой от возникших уязвимостей можно и нужно управлять, исходя из следующих основополагающих требований. Это управление должно выступать как цивилизованный, рациональный и гуманистический способ взаимодействия людей с их участием. «Управление, – отмечает известный специалист в этой сфере А.В. Тихонов, – которое не выполняет в обществе гуманистическую функцию, превращается в манипулирование людьми, в технологию достижения любой, в том числе аморальной и асоциальной, цели (терроризм, например). Такое «управление» становится опасным источником социальных деформаций» [18, с. 128]. Управление должно учитывать нелинейность формирования человеческого капитала и динамично сложные причинно-следственные связи. Необходимо, в частности, отказаться от презумпции явных внешних причин как единственного источника, определяющего содержание человеческого капитала. Отсюда востребован учет латентности при формировании человеческого капитала, изучение человеческой деятельности в контексте возникновения непредвиденных и ненамеренных последствий, сопровождающих рациональную активность людей, которая при отсутствии гуманистического целеполагания зачастую производит новые социальные уязвимости. Как известно, данный подход был всесторонне обоснован в работах выдающихся социологов Р. Мертона [23] и Р. Будона [21].

Особенно важно учесть латентные и отложенные опасности для человеческого капитала как производные от научной и инновационной деятельности людей, процессов медиализации, градостроительства, новых информационных технологий, туризма, моды, диеты. При этом необходимо осуществлять планомерный мониторинг усложняющихся институциональных систем на предмет выявления прежде всего их дегуманизирующего влияния на человека с целью нейтрализации или по крайней мере минимизации негативных последствий для человеческого капитала.

Ряд отложенных опасностей связан со скоростью изменений социума, с эффектом временно-

го дисхроноза: в одном обществе сосуществуют люди, фактически живущие в разных темпомирах [3]. Под влиянием этих реалий возникли новые уязвимости для человеческого капитала, одна из которых следующая. С одной стороны, скорость преобразований, особенно скорость социальной мобильности, начинает играть роль нового социального капитала, который определяет не только более высокий социальный статус людей, иное качество человеческого капитала, но и выступает индикатором модернизации, культурных и научных достижений. Ныне число позиций, в которых скорость имеет смысл инновационного фактора человеческого капитала, многократно возросло, затрагивая повседневную жизнь людей. По мнению Дж. Урри, мобильность вещей, информации, идей и даже мобильность виртуальная являются решающим фактором для развития социальных потенциалов современного человека [28]. Однако, с другой стороны, следует иметь в виду, что эти тенденции тем не менее не универсальны, автоматически не влекут за собой увеличение гуманистической функциональности человеческого капитала. Если определенная часть общества не справляется с увеличивающейся скоростью перемен, не успевает рефлексировать относительно ненамеренных последствий изменений, то могут возникать принципиально новые социальные уязвимости для человеческого капитала, причима которых – временной дисхроноз. В связи с этим современной России важны не только нанотехнологии, но технологии, ориентированные на цели духовного и нравственного возрождения человеческих отношений. Нужны, в частности, технологии, которые бы сделали российских инвалидов, каждую социальную группу, независимо от того, в каком темпомире они живут, полноправными членами общества, то есть технологии, нацеленные на «очеловечивание» скорости изменений.

В контексте решения возникших проблем уязвимости следует иначе взглянуть на латентные составляющие человеческой рациональности и иррациональности. Одним из первых поставил под вопрос рационализм и сциентизм, отметив их ограниченные возможности, Ф. Ницше. Ученый призывал видеть реальность человека такой, какая она есть, во всей ее полноте, включая иррациональность [6]. Его идеи были востребованы многими учеными. Суть социальных практик, основанных на культе рациональности, З. Бауман выразил посредством «метафоры садовника»: «Садовник лучше знает, какие сорта растений должны, а какие растения не должны расти на участке, о котором он заботится». Соответственно во имя рациональности и гармонии «сорняки» (социальные группы риска, маргиналы, меньшинства, оппоненты, конкуренты, инакомыслящие и т.д.) просто «пропальваются». При этом «садовник способствует выращиванию правильных типов растений (главным образом растений, которые он сам посадил)». Он является, таким образом, «экспертом» разумности и целесообразности [19, р. 99]. Однако в итоге стремление людей к постоянной рационализа-

ции и совершенству в отсутствии гуманистической составляющей, как правило, оборачивается дисфункциональностями в виде невосполнимых потерь «неправильного» человеческого капитала. Сказанное означает, что рациональность амбивалентна для человеческого капитала: без нее невозможно функционирование современного сложного социума, но она не панацея для функциональности человеческих отношений и в ряде случаев создает новые уязвимости. Из этого логично вытекает требование сохранения иррациональной составляющей в человеческом капитале.

Еще одной уязвимостью, характерной именно для сложного социума, является выход национального человеческого капитала за государственные границы. Вхождение социума в сетевое, нелинейно развивающееся общество повлекло за собой принципиальные изменения в содержании человеческого капитала. В сетевом обществе, пишет И. Пригожин, «информационные технологии создают связи, порождающие многие нелинейности и вызывающие множество новых возможностей в форме бифуркаций» [28, с. 25–26]. Очевидно, что факторы сетевого взаимодействия становятся все более значимыми в формировании человеческого капитала в его современных интерпретациях.

В итоге мы приходим к выводу: современное содержание человеческого капитала все более и более обретает сетевой характер и в силу утверждающегося сетевого общества просто не может быть иным. Тому способствует увеличивающаяся открытость социума. Открытое общество дает его членам новые, невиданные ранее преимущества для жизнедеятельности, формирования человеческого капитала [10]. Многие народы, включая россиян, стремятся жить в открытом обществе. Однако не все так просто. Наряду с очевидными благами открытое общество несет в себе имманентные опасности, явные и латентные, так или иначе затрагивающие количественные и качественные параметры человеческого капитала.

Под влиянием увеличивающейся открытости границы страны перестают быть охранительными рубежами в отношении иных культурных ценностей и иных образов жизни. Дело не только в простом увеличении культурных артефактов, приходящих в страну по каналам глобализации, и не в возникшем разнообразии конкурирующих идей. Важнейшей проблемой для формирования человеческого капитала становится усложняющееся изменение само по себе, в котором содержится значительный компонент неупорядоченного хаоса, что приводит к сокращению долгоживущих качеств социума, что относится и к параметрам человеческого капитала. Это не какое-то временное, отдельное изменение, но утверждение рискогенного образа жизни в условиях всеобщих перемен, когда нормой или, по крайней мере, обыденностью становится экспансия самых разных субкультур и контркультур. Открытость привела к резкому увеличению эмиграции и иммиграции, появлению реальных и отложенных опасностей новых форм девиантного и криминального поведения.

Общество, основанное на функционировании глобальных сетей, неизбежно соприкасается с «чужими» опасностями из других социумов, что также влияет на характер человеческого капитала. Глоболокальные войны, межэтнические конфликты, терроризм оборачиваются опасностями практически для каждого россиянина. Это и экологические опасности, которые из локальных легко трансформируются в глоболокальные [29].

Вместе с тем нельзя во имя сохранения нашего «лучшего» человеческого капитала открытое общество попытаться «закрыть», выйти из усложняющегося сетевого взаимодействия. Необходимо научиться жить с новыми реалиями, минимизируя уязвимости, обусловленные открытостью социума. Также важно признать, что последствия открытости и сетевых изменений в функциональном плане не являются однозначно добром или злом, «прогрессом» или «регрессом», они амбивалентны по характеру. Это обнадеживает, позволяет россиянам с оптимизмом смотреть в будущее, вычленив из новых общественных реалий нечто функциональное, цивилизованное, гуманистическое и на этой основе решать актуальные проблемы человеческого капитала. Вместе с тем, как никогда в прошлом, жизнедеятельность людей неизбежно отягощается постоянным производством разного рода дисфункциональностей в виде качественно новых, зачастую отложенных опасностей для человеческого капитала. Соответственно необходимо выявлять причинную сложность опасностей, учитывать как нынешнее их содержание, так и прогнозировать их усложняющуюся динамику, включая потенциальную возможность бифуркаций и перехода в иное состояние.

Также важно иначе взглянуть на образовательную составляющую в человеческом капитале, отказавшись от устаревшей количественной догмы – чем больше/меньше образования, тем лучше. Думается, дело не в том, сколько лет учиться, какие конкретно этапы проходить, копируя чей-либо опыт, даже позитивный, но иной культуры. Главное – это качество и эффективность образования: для общества оно должно создавать интеллектуальные условия для преодоления вызовов постоянно возникающих уязвимостей; для людей – делать их потенциально способными быть «виртуозами» открытости, сетевых взаимодействий, предрасположенными к инновациям гуманистического толка. Из этого следует, что образовательной составляющей человеческого капитала является прежде всего поиск и возвращение талантов буквально с первого класса школы, обеспечение на деле единства знания, его гуманизма, требований конкурентоспособности нашего общества в сетевом взаимодействии с другими странами и народами.

Наконец, многие нынешние уязвимости человеческого капитала могли бы быть минимизированы, если на него посмотреть через призму движения к цели формирования российского космополитического человеческого капитала. На первый взгляд данная цель парадоксальна – пред-

■ Социология

полагает своего рода кентавризм национального и интернационального. Его практически невозможно представить себе в условиях относительно простого социума. Но в сложном социуме глоболокальное является становящейся реальностью, которая подтвердила на практике свою функциональность.

Человечество вступило в эру «космополитических дуальностей»: глобальное – локальное, интернациональное – национальное, западное – незападное. Радикально изменилось пространство социума – его границы выходят за рамки нации-государства, что относится и к человеческому капиталу. В глобализирующемся мире многонациональные корпорации, негосударственные наднациональные социальные акторы играют доминирующую роль, утверждаются социальные сети – все это должно быть учтено в разработке нового сетевого гуманистического подхода к развитию человеческого капитала.

Его главная идея в легитимация человеческого капитала независимо от социального локала и времени, в котором он функционирует. Этот подход позволяет переоткрыть значимость человеческого капитала россиян, выехавших на постоянное или временное место жительства, учебу или работу за рубеж. Этим людям, их человеческий капитал необходимо включать в российский космополитический человеческий капитал, соответственно продолжая с ними социальные сетевые взаимодействия на благо нашей страны. В современном мире многообразных мобильностей высока вероятность их возвращения в Россию. Кроме того, данный подход предполагает возможность и необходимость задействования всего человеческого капитала, находящегося в конкретное время на территории страны. Ведь тенденция мобильности трудовых

ресурсов из стран СНГ и самых разных регионов мира в условиях сетевого взаимодействия народов и культур будет только возрастать.

Наконец, с учетом усложняющейся динамики социума мы считаем необходимым формирование нелинейно-гуманистического мышления как интеллектуальной основы российского космополитического человеческого капитала. Это мышление исходит из ускорения и усложнения социокультурной динамики, взаимозависимой целостности человечества, а также принципиальной неделимости человеческого капитала народов мира по локальному принципу. Возрастающие требования к качественным характеристикам человеческого капитала побуждают к тому, чтобы при его формировании ставились и решались не только и не столько прагматические задачи (они, конечно, тоже необходимы), сколько цели наращивания гуманистического потенциала в человеческом капитале.

Мы обозначили лишь некоторые уязвимости, появление которых обусловлено становлением сложного общества. Фактически их на порядок больше, и все время появляются новые. Чтобы адаптироваться к ним, минимизировать их явные и латентные последствия, необходима соответствующая генеральная стратегия нового этапа развития России. На наш взгляд, ее стержнем должно стать содружество политической элиты и ученых. В самой же научной среде востребован новый синтез естественных, социальных и гуманитарных наук. Только интегральный теоретико-методологический инструментарий, основанный на полипарадигмальности современного знания, может способствовать решению проблем сложного социума и дать позитивный ответ на вопрос: «Быть или не быть... человечеству?»

Список литературы

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-традиция, 2000.
2. Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? (1998-2004). Аналитический доклад. М.: АИРО-XX, 2005.
3. Князева Е.Н. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб.: Алетейя, 2002.
4. Кравченко С.А. Становление сложного социума: к обоснованию гуманистической теории сложности. Монография. М.: МГИМО-Университет, 2012.
5. Моисеев Н.Н. Быть или не быть... человечеству? М., 1999.
6. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Соч. в 2-х т. М., 1990.
7. Осипов Г.В., Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Перспективы социокультурной динамики и партнерства цивилизаций. М.: Институт экономических стратегий, 2007.
8. Падение Берлинской стены: до и после. Россияне о внешнеполитических процессах прошлого и настоящего / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2010.
9. Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002.
10. Поппер К. Открытое общество и его враги: В 2-х т. М.: Феникс, 1992.
11. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 2001.
12. Пригожин И.Р. Сетевое общество. Социс. 2008. № 1.
13. Россия и Китай: изменения в социальной структуре общества. М.: Новый хронограф, 2012.

14. Россия на новом переломе: страхи и тревоги / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М.: Альфа-М, 2009.
15. Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / под общ. ред. М.К. Горшкова. М.: ИИК «Российская газета», 2007.
16. Сорокин П. Катастрофы и общество. М., 2000.
17. Сорокин П. Человек и общество в условиях бедствия (фрагменты книги). Вопросы социологии. 1993. № 3.
18. Тихонов А.В. Социология управления. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007.
19. Bauman, Z. Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty. Cambridge: Polity Press, 2009.
20. Beck, U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2010.
21. Boudon, R. The Unanticipated Consequences of Social Action. London: Macmillan, 1982.
22. Giddens, A. The Politics of Climate Change. Cambridge: Polity Press, 2009.
23. Merton, R. The Unanticipated Consequences of Purposive Action // American Sociological Review, 1936. Vol.1.
24. Perrow, Ch. Normal Accidents: Living with High-Risk Technologies. Princeton: Princeton University Press, 1999.
25. Perrow, Ch. The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters. Princeton University Press, 2011.
26. Ritzer, G. Enchanting a Disenchanted World: Continuity and Change in the Cathedrals of Consumption. Los Angeles, London: Sage, 2010.
27. Tiryakian, E.A. Civilization in the Global Era: One, Many... or None? // Book of Abstracts. XVII ISA World Congress of Sociology. Gotheberg, Sweden: ProQuest, 2010.
28. Urry, J. Mobilities. Cambridge: Polity Press, 2008.
29. Yanitsky, O.N. Russian Environmentalism. The Yanitsky Reader. Moscow: Taus, 2010.

Об авторе

Кравченко Сергей Александрович – д.филос.н., профессор, зав. кафедрой социологии МГИМО(У) МИД России. E-mail: sociol7@yandex.ru

THE PROBLEM OF THE NEW VULNERABILITIES OF THE RUSSIAN SOCIETY

S.A. Kravchenko

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *In article the author analyzes the new vulnerabilities which have arisen as a result of the formation of the complex socium in modern Russian society. It is shown that these vulnerabilities bear with themselves new risks for the functioning of the society and its members. The author argues that self-sufficiency of the Russian society is in real danger. The following vulnerabilities are specifically considered: the dysfunctions of the self-sufficiency of the society; the uncontrollable openness generating specific risks; the complex socium comprising the immanent potential of accidents; the process of complication of the risks; social and cultural dynamics of civilizations, the nature of their interactions; the vulnerabilities for the human capital.*

The solution of the arisen problems the author seems on the ways of the formation of non-linear and humanistic thinking as an intellectual basis of the Russian cosmopolitan human capital. This thinking proceeds from the acceleration and the complication of the sociocultural dynamics, the interdependent integrity of the mankind. The increasing requirements to the qualitative characteristics of the human capital induce to that at its formation were put and decided not only pragmatic tasks, the aims of the accumulation of the humanistic potential in the human capital. Respectively, the formation of the general strategy of the new stage in development of Russia has to assume the active interaction of political elite with scientific community from which, in turn, the new theoretical and methodological tools, capable to cope with the arisen problems are demanded.

■ СОЦИОЛОГИЯ

Key words: complex socium, vulnerabilities, self-sufficiency of society, uncontrollable openness, accident in the form of "normal accident", complication of risks, humanistically oriented modernization.

References

1. Beck U. Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. Frankfurt a. M., Suhrkamp Verlag, 1986. 396 p. (Russ. ed.: Bek U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2000. 384 p.).
2. Grazhdane novoi Rossii: kem sebia oshchushchali i v kakom obshchestve khoteli by zhit? (1998-2004). Analiticheskii doklad [Citizens of new Russia: How they feel and in what society they would like to Live (1998-2004). An analytical report]. Moscow, AIRO-XX Publ., 2005. 119 p.
3. Kniazeva E.N. Osnovaniia sinergetiki. Rezhimy s obostreniem, samoorganizatsiia, tempomiry [The bases of synergetics. Blow-up regimes, self-organization, tempoworlds]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2002. 414 p.
4. Kravchenko S.A. Stanovlenie slozhnogo sotsiuma: k obosnovaniiu gumanisticheskoi teorii slozhnosti [[Becoming of a complex society: Humanistic theory of complexity]. Moscow, MGIMO-Univ. Publ., 2012. 306 p.
5. Moiseev N.N. Byt' ili ne byt'... chelovechestvu? [The future of mankind... To be or not to be?]. Moscow, 1999. 288 p.
6. Nitshe F. Chelovecheskoe, slishkom chelovecheskoe. Soch. v 2-kh t. [Human. All too Human. Works in 2 vols.]. Moscow, Mysl' Publ. 1990.
7. Osipov G.V., Kuzyk B.N., Iakovets Iu.V. Perspektivy sotsiokul'turnoi dinamiki i partnerstva tsivilizatsii [Perspectives of social and cultural dynamics and civilization partnership]. Moscow, Inst. for Econ. Strategies Publ., 2007. 416 p.
8. Padenie Berlinskoii steny: do i posle. Rossiiane o vneshnepoliticheskikh protsessakh proshlogo i nastoiashchego [Berlin Wall fall: Before and after. The Russian opinion about foreign policy processes]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2010. 181 p.
9. Parsons T. The social system. Glencoe, IL, Free Press Publ., 1951. 575 p. (Russ. ed.: Parsons T. O sotsial'nykh sistemakh. Moscow, Academic Project Publ., 2002. 832 p.).
10. Popper K.R. The open society and its enemies. 2 vols. London, Routledge Publ., 1945. (Russ. ed.: Popper K. Otkrytoe obshchestvo i ego vrugi. V 2-kh t. Moscow, Feniks Publ., 1992.).
11. Prigogine I., Stengers I. Order out of chaos. Man's new dialogue with nature. London, Heinemann Publ., 1984. 349 p. (Russ. ed.: Prigozhin I., Stengers I. Poriadok iz khaosa. Novyi dialog cheloveka s prirodou. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 432 p.).
12. Prigozhin I.R. Network society. Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological Studies], 2008, no. 1, pp. 24-27. (in Russ.).
13. Rossiia i Kitai: izmeneniia v sotsial'noi strukture obshchestva [Russia and China: Changes in social structure]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2012. 512 p.
14. Rossiia na novom perelome: strakhi i trevogi [Russia in the new crisis: Fears and worries]. Moscow, Al'fa-M Publ., 2009. 160 p.
15. Svoboda. Neravenstvo. Bratstvo: Sotsiologicheskii portret sovremennoi Rossii [Freedom. Inequality. Brotherhood. Sociological image of modern Russia]. Moscow, Rossiiskaia gazeta Publ., 2007. 448 p.
16. Sorokin P. Katastrofy i obshchestvo [Catastrophes and society]. Moscow, 2000.
17. Sorokin P. A man and society in disaster (fragments from the book). Voprosy sotsiologii [Problems of Sociology], 1993, no. 3, pp. 53-59.
18. Tikhonov A.V. Sotsiologiya upravleniia [Sociology of management]. Moscow, "Kanon+ Reabilitatsiia" Publ., 2007. 324 p.
19. Bauman Z. Liquid times. Living in an age of uncertainty. Cambridge, Polity Press Publ., 2009. 128 p.
20. Beck U. World at risk. Cambridge, Polity Press Publ., 2010. 240 p.
21. Boudon R. The unanticipated consequences of social action. London, Palgrave Macmillan Publ., 1982. 232 p.
22. Giddens A. The politics of climate change. Cambridge, Polity Press Publ., 2009. 256 p.
23. Merton R. The unanticipated consequences of purposive action. American Sociological Review, 1936, vol. 1, no. 6, pp. 894-904.
24. Perrow Ch. Normal accidents: Living with high-risk technologies. Princeton, Princeton Univ. Press Publ., 1999. 386 p.
25. Perrow Ch. The next catastrophe: Reducing our vulnerabilities to natural, industrial, and terrorist disasters. Princeton, Princeton Univ. Press Publ., 2011. 432 p.
26. Ritzer G. Enchanting a disenchanted world: Continuity and change in the cathedrals of consumption. Los Angeles; London, Sage Publ., 2010. 272 p.
27. Tiryakian E.A. Civilization in the Global Era: One, Many... or None? 17th ISA World Congress of Sociology. Gotheberg, Sweden, July 11-17, 2010. Book of Abstracts. ProQuest, 2010, pp. 485-486.
28. Urry J. Mobilities. Cambridge, Polity Press Publ., 2008. 335 p.
29. Yanitsky O.N. Russian environmentalism: The Yanitsky reader. Moscow, Taus Publ., 2010. 367 p.

About the author

Sergey A. Kravchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Head of Sociological Department in Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), E-mail: sociol7@yandex.ru
